

нон-фикшн

ВТОРАЯ
жизнь
рассказа

8

редакторских
приемов

Павел Крапчитов

Учимся сочинять. Сначала - технология, потом - свобода.

Павел Крапчи́тов

**Вторая жизнь рассказа.
8 редакторских приемов**

«Автор»

2026

Крапчиков П. А.

Вторая жизнь рассказа. 8 редакторских приемов /
П. А. Крапчиков — «Автор», 2026 — (Учимся сочинять. Сначала
- технология, потом - свобода.)

Вы написали рассказ. Он кажется вам хорошим. Но что-то не так: читатели не задерживаются, конкурсы проходят мимо, а внутри остается чувство, что текст можно сделать лучше. Я знаю это чувство. У меня были те же сомнения. Тогда я взял свои старые рассказы — те, что писал три, четыре, пять лет назад — и решил дать им вторую жизнь. Не просто «причесать», а перестроить заново. В этой книге я показываю 8 редакторских приемов, которые использовал. И рассказываю 8 историй о том, как правка меняла текст. Было — стало. Ошибка — решение. Черновик — текст. Никакой теории ради теории. Только практика на 8 реальных примерах. Прочитав эту книгу, вы сможете посмотреть на свой текст глазами редактора. И, возможно, сделаете его лучше.

© Крапчиков П. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение. Как эта книга устроена	5
Навигатор. Какое «лечение» нужно вашему рассказу?	7
Глава 1. Многослойность сюжета	8
Глава 2. Долгоиграющие «мины»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Павел Крапчиков

Вторая жизнь рассказа. 8 редакторских приемов

Введение. Как эта книга устроена

Как-то я разбирал свой старый портфель: тетради, блокноты, папки с тесемками-завязками... Все это когда-то казалось важным, а потому было заботливо убрано и... благополучно забыто.

Развязал тесемки одной из папок и обнаружил листки, а на них текст... Буквы разной жирности, явно кто-то неопытный колотил по клавишам механической пишущей машинки. Впрочем, не кто-то, а я сам. Это был мой рассказ, написанный в бытность школьником.

Сколько усилий я приложил, чтобы он выглядел «по-настоящему»! Взял пишущую машинку напрокат, неделю измывался над пальцами, пока удалось напечатать более или менее удобоваримый вариант. И что самое интересное: от всех этих мучений я получал огромное удовольствие. Мне казалось, чем больше я промучаюсь с подготовкой, тем более выдающимся окажется рассказ.

Он не оказался выдающимся. Тот рассказ был пустым и неинтересным. Мои мучения с пишущей машинкой не добавили ему ни грамма привлекательности. Листки отправились на дачу — там всегда нужен материал для растопки печки. В один из осенних вечеров мой рассказ сгорел.

Теперь я об этом жалею. Не потому, что тот рассказ был шедевром, — он им не был. А потому, что я не знал тогда: почти любому тексту можно дать вторую жизнь. Надо только знать, как к этому подступиться.

Собственно, эта книга как раз об этом.

У меня есть 8 редакторских приемов, которые помогают вдохнуть новую жизнь в старый, забытый рассказ. И 8 примеров того, как эти приемы работают на практике.

Говорят, чтобы улучшить огородную грядку, не нужно вырывать все сорняки. Достаточно удалить самые крупные — те, что забирают больше всего сил.

Я прислушался к этому правилу. Я выбрал 8 основных недостатков, которые чаще всего встречаются в рассказах, и подобрал для каждого прием-«лекарство».

Самые показательные истории — те, где один прием изменил все. Во второй главе я превратил социальную фантастику в психологическую драму, добавив одну «мину». В третьей главе я вырезал письмо-объяснение — и рассказ задышал. В главе 8 я превратил плоскую картинку в голограмму с тремя конкурирующими версиями. Эти примеры — не просто правка, а перерождение текста.

В следующей главе вы найдете навигатор: какая проблема — какой прием.

С каждым из восьми рассказов я поступлю одинаково.

Сначала выложу перед вами старый текст — таким, каким он был. Затем честно разберу: что в нем не так, какой главный «сорняк» портит картину. Поставлю диагноз.

А дальше начнется магия. Я скроюсь в черном цилиндре редактуры — и на свет появится преображенная версия рассказа.

Разумеется, я не оставлю вас в неведении. После каждой «операции» я подробно объясню, какой прием использовал и к какому результату это привело.

Каждая глава заканчивается чек-листом.

Дело в том, что, когда я делаю разбор старой версии рассказа, с тем чтобы выявить самый большой и все портящий «сорняк», я больше полагаюсь на свою интуицию. Но интуиция — дама капризная. Сегодня она шепчет правильный ответ, а завтра молчит. Чек-лист — это страховка. Он не заменит чутье, но поможет не упустить важное. Пройдете по пунктам — и поймете, на что обратить внимание в своем тексте.

Итак, что вас ждет в этой книге?

- 8 приемов, которые помогут увидеть слабые места в тексте
- 8 реальных историй о том, как я редактировал свои рассказы
- 8 чек-листов для самопроверки

И, я надеюсь, вдохновение посмотреть на свои старые тексты свежим взглядом.

Восемь глав, восемь приемов, восемь чек-листов. Этого достаточно, чтобы подать пример, как стоит изгонять из старых рассказов самые вредные «сорняки» и даровать им вторую жизнь.

Навигатор. Какое «лечение» нужно вашему рассказу?

Мой навигатор устроен просто. Сначала — «сорняк» (то, что мешает вашему рассказу), потом — «лечение» (прием, который поможет).

Я знаю: пробежавшись по списку, вы наверняка подумаете: «А как это работает? А можно подробнее?». Все объясню, обещаю. Но чуть позже. А пока — просто посмотрите. Ясность того стоит.

Сорняк: События развиваются линейно, нет глубины.

Лечение в главе 1: Многослойность сюжета.

Сорняк: Есть тайна или конфликт, но он быстро исчерпывается.

Лечение в главе 2: Долгоиграющие «мины».

Сорняк: Текст перегружен объяснениями («он был грустен»).

Лечение в главе 3: Не объяснять, а показывать

Сорняк: Персонажи статичны, сюжет движется внешними событиями (погонями, драками), а не выбором героев.

Лечение в главе 4: Динамика отношений как двигатель сюжета

Сорняк: Герой кажется картонным, ему не соперничаешь.

Лечение в главе 5: Глубина персонажа через травму

Сорняк: Сцены есть, но они не задевают, нет «мурашек».

Лечение в главе 6: Деталь как эмоциональный резец

Сорняк: Текст монотонный, читатель устает или скучает, хотя события вроде бы есть.

Лечение в главе 7: Чередование выдоха и вдоха

Сорняк: Финал предсказуем, все вопросы закрыты, читатель закрывает книгу и тут же забывает.

Лечение в главе 8: Балансирование на грани катарсиса

Как видите, все просто. По крайней мере, на первый взгляд. Осталось разобрать каждое «лечение» на примерах — и можно браться за свой рассказ.

Глава 1. Многослойность сюжета

Вы выбрали эту главу. Значит, ваш сюжет кажется вам плоским — события идут по линейке, предсказуемо, без глубины. У меня было так же. Я нашел способ добавить истории объем. Он называется «многослойность».

Однажды я услышал историю о человеке, который боялся летать на самолете. Он сам не мог понять почему — а по работе летать приходилось много. Пошел к психологу. Тот выяснил причину. Только не смейтесь — виновата была манная каша.

Пациент в детстве терпеть ее не мог. А на кухне, где его пичкали этой кашей, висел плакат «Летайте самолетами Аэрофлота». Неприязнь перекинулась с одного на другое. Вот так работает механизм, который мы не замечаем.

В моем рассказе нет манной каши. Зато есть селедка под шубой. Нет плаката «Летайте самолетами» — зато есть молодость, влюбленность, праздник и разочарование.

Как было (Первоначальная версия)

Гастрономический поцелуй .

Я не люблю селедку под шубой. Когда кто-то только заикается о ней, я сразу же вспоминаю, как Лилька целуется на кухне в общежитии с моим соседом Вовкой. Она сидит на столе, раздвинув ноги, чтобы Вовка мог сильнее прижаться к ней, а вокруг грязные тарелки с остатками этой самой селедки под шубой.

— Мальчики, я принесла еду, — первой на празднование Нового года тогда пришла Света, Вовкина девушка.

Из сумки она достала большое блюдо с чем-то аппетитно пахнущим.

— Что это у нас? — сказал Вовка, выходя из своей комнаты и потирая руки.

Надо сказать, что жили мы не плохо. Четыре комнаты выходили в большой холл, из которого можно было попасть в туалет с душем или на кухню. Посреди холла стоял стол. Света уже сняла пальто и аккуратно убирала с блюда фольгу.

— Чтобы ничего не испачкалось, — объяснила она.

Под фольгой оказался слой майонеза. Девушка достала из сумки бумажный пакетик и стала чем-то желтым посыпать принесенную закуску.

— Желток? — догадался я. — Но также «мимозу» делают?

— Ничего, — ответила Света. — Селедка от этого хуже не станет.

— Люблю селедку, — сказал Вовка и чмокнул девушку в щеку.

Света хихикнула.

Потом пришла Лилька, которую я считал своей девушкой, а за ней и подруги соседней по холлу. Все девушки были домашними, то есть не общежитскими. И все они принесли одно и то же блюдо, селедку под шубой. Кто-то, как Света, покрыли верхний слой майонеза тертым яичным желтком, кто сохранил оригинальную рецептуру. В их варианте верхний слой майонеза блистал яркими свекольными оттенками.

А потом мы праздновали Новый год. Пили, ели, в основном селедку под шубой, танцевали. Сходили в лес, поводили хоровод вокруг елочки. Затем вернулись, снова ели, пили, танцевали... А потом я застал Лильку, целующуюся с Вовкой, среди грязных тарелок.

И вы спрашиваете, как я могу снова полюбить селедку под шубой? Никак! Хотя, есть способ.

Я настрою машину времени, вернусь в прошлое и дождусь, когда придет Светка, Вовкина подруга. Когда она снимет пальто, я крепко обниму ее и поцелую в губы. Потом, скорее всего, будет драка с Вовкой. Нас будут разнимать и долго успокаивать. Затем мы будем пить водку и есть все ту же селедку под шубой.

Потом пройдет много лет, и когда кто-то только заикнется об этом блюде, я сразу же попрошу себе кусочек. А лучшие два...

Что мне в рассказе нравится, а что — нет

Скопировал рассказ в главу — и не удержался, перечитал. Нехорошо автору хвастаться, но он мне нравится. Мне кажется, в нем удалось главное — переход от анекдота к психологической драме.

Анекдот: на праздник все девушки, не стовариваясь, принесли одно и то же блюдо — селедку под шубой. А потом девушка главного героя изменила ему так, что он теперь эту селедку на дух не переносит. Смешно? Смешно. Но финальная фантазия о машине времени без всяких объяснений показывает, как ему было больно и как хотелось бы переписать прошлое.

Три года с момента написания прошли не даром. Сейчас рассказ кажется мне плоским: был праздник, была измена, есть травма. Не хватает глубины. Я понял, в чем дело: я не сказал о самом главном. Мой герой воюет не с Вовкой, который увел девушку. Его настоящий конфликт — с миром, где у кого-то есть дом, а у него дома нет. Лилька была для него надеждой (возможно, надуманной) этот дом обрести. А потом надежда рухнула.

Как показать это, не объясняя напрямую?

Прием: Многослойность сюжета

Есть такой литературный прием — «Многослойность сюжета. Концентрические круги».

Представьте пруд с гладкой водой. Бросьте камешек — пойдут круги. Бросьте три камешка — круги пересекутся, и в месте пересечения возникнет самое сильное волнение. Вот так же работает и хорошая история.

В первоначальной версии я бросил в пруд один камешек. Он создал один круг — Личный: моему герою изменила девушка. Второй круг (Межличностный, конфликт с Вовкой) намечен, но едва. А самого главного круга — Социального — нет вовсе: столкновения двух миров, домашних и общежитских. А ведь именно из-за этого мой герой чувствует свою ущербность.

Если бы в рассказе было несколько кругов, они бы пересекались, создавали движение и глубину. К счастью, рассказ — не прожитая жизнь. Его можно переписать.

Алгоритм: как добавить новые слои

Шаг 1. Написать логлайн

Логлайн первоначальной версии:

«Герой не выносит селедку под шубой, так как ее вкус навсегда связан с болезненным воспоминанием: в молодости, на новогодней вечеринке в общежитии он застал свою девушку Лильку в объятиях соседа Вовки среди тарелок с этим блюдом».

Шаг 2. Найти точки для новых кругов

В рассказе уже есть Личный круг (измена). Чего не хватает? Социального — столкновения мира «домашних» и мира общежития. Что если Лилька была для героя не просто девушкой, а проводником в тот «домашний» мир, которого он был лишен?

Шаг 3. Добавить новый круг в логлайн

«Герой не выносит селедку под шубой... он застал свою девушку Лильку — ту самую „домашнюю“ девушку, олицетворявшую для него чистый и уютный мир, — в объятиях соседа Вовки — среди тарелок с этим блюдом. Это стало для него не просто изменой, а крахом всей его хрупкой системы ценностей».

Шаг 4. Переписать рассказ

Ориентируясь на новый логлайн, я добавил в рассказ небольшой фрагмент. Он создает тот самый Социальный круг, которого не хватало.

Как стало (Обновленная версия)

Гастрономический поцелуй.

Я не люблю селедку под шубой. Когда кто-то только заикается о ней, я сразу же вспоминаю, как Лилька целуется на кухне в общежитии с моим соседом Вовкой. Она сидит на столе, раздвинув ноги, чтобы Вовка мог сильнее прижаться к ней, а вокруг грязные тарелки с остатками этой самой селедки под шубой.

— Мальчики, я принесла еду, — первой на празднование Нового года тогда пришла Света, Вовкина девушка.

Из сумки она достала большое блюдо с чем-то аппетитно пахнущим.

— Что это у нас? — сказал Вовка, выходя из своей комнаты и потирая руки.

Надо сказать, что жили мы не плохо. Четыре комнаты выходили в большой холл, из которого можно было попасть в туалет с душем или на кухню. Посреди холла стоял стол. Света уже сняла пальто и аккуратно убирала с блюда фольгу.

— Чтобы ничего не испачкалось, — объяснила она.

Под фольгой оказался слой майонеза. Девушка достала из сумки бумажный пакетик и стала чем-то желтым посыпать принесенную закуску.

— Желток? — догадался я. — Но также «мимозу» делают?

— Ничего, — ответила Света. — Селедка от этого хуже не станет.

— Люблю селедку, — сказал Вовка и чмокнул девушку в щеку.

Света хихикнула.

Потом пришла Лилька, которую я считал своей девушкой, а за ней и подруги соседей по холлу. Все девушки были домашними, то есть не общежитскими. И все они принесли одно и то же блюдо, селедку под шубой. Кто-то, как Света, покрыли верхний слой майонеза тертым яичным желтком, кто сохранил оригинальную рецептуру. В их варианте верхний слой майонеза блистал яркими свекольными оттенками.

А потом мы праздновали Новый год. Пили, ели, в основном селедку под шубой, танцевали. Сходили в лес, поводили хоровод вокруг елочки. Затем вернулись, снова ели, пили, танцевали... А потом я застал Лильку, целующуюся с Вовкой, среди грязных тарелок.

Эх, Лилька, Лилька. Такого блюда ты меня лишила! А все потому, что ты была для меня не просто девушкой. Ты была из другого мира — из того, который за окнами вечерних домов, что дарят уютный мягкий свет, а на кухне кто-то готовит ужин. Из мира «домашних».

Этот мир я открыл для себя однажды зимним вечером, как раз перед Новым годом, когда возвращался из Москвы с курсов английского. На платформе электричек — ни души. На автобусной остановке — тоже. Метель. Напротив остановки высился большой многоэтажный дом, в его окнах горел свет. Там, наверное, делали уроки или смотрели телевизор. Кого-то ждали. Но точно не меня.

Автобуса ждать не стал, пошел пешком. Сначала по занесенному тротуару, потом выбрался на проезжую часть — там была колея, идти было легче. Машины изредка биббли в спину, но как-то по-новогоднему, без злости. А я думал о Лильке. Мы познакомились недавно, но уже пару раз с ней ходили в кино, а после целовались в подъезде ее дома, такого же большого, как тот, что стоял напротив остановки и манил своими окнами. Один раз, когда мы уже нацеловались, Лилька подошла к своей двери, обернулась и сказала: «Когда-нибудь у нас тоже будет такой дом. Люди будут смотреть на наши светящиеся окна». Закрывает дверь и ушла.

Тогда, идя пешком до общежития по заснеженной дороге, я все пытался понять — она пошутила? Лилька меня дразнила? Или она была серьезной? Как же серьезной?! Думать про свой дом после двух походов в кино? Но почему-то мне хотелось, чтобы слова Лильки были не шуткой. Впереди был праздник. Лилька придет ко мне. Мы будем танцевать и целоваться! И все должно было стать правильным, чистым, не таким, как этот заснеженный путь до общежития, где мне предстояло лечь спать голодным.

И вы спрашиваете, как я могу снова полюбить селедку под шубой? Никак! Хотя, есть способ.

Я настрою машину времени, вернусь в прошлое и дожжусь, когда придет Светка, Вовкина подруга. Когда она снимет пальто, я крепко обниму ее и поцелую в губы. Потом, скорее всего, будет драка с Вовкой. Нас будут разнимать и долго успокаивать. Затем мы будем пить водку и есть все ту же селедку под шубой.

Потом пройдет много лет, и когда кто-то только заикнется об этом блюде, я сразу же попрошу себе кусочек. А лучшие два...

Что дала правка

Добавленный фрагмент — не просто «вставка». Он создает новый смысловой слой.

Пересечение Личного и Социального кругов

Сцена измены перестает быть просто драматическим событием. Грязные тарелки на кухне общежития — это не просто декорация. Это противопоставление светлому дому из мечты героя. Селедка под шубой приобретает вкус разрушенной надежды. Становится понятнее, почему спустя много лет герой не может есть это блюдо.

Ассоциативный круг обретает глубину

Раньше связь была простой: селедка = измена. Теперь это: селедка = ложная обещанная идиллия. Сенсорная деталь приобретает философское измерение.

Объем

Рассказ вырос с 2 до 3 тысяч знаков — в полтора раза. Но главное, он стал не длиннее, а глубже.

Главный урок

Один новый смысловой слой способен превратить плоскую историю в объемную. Найдите в своем рассказе место, где герой реагирует слишком остро, и спросите: «Что на самом деле его задевает?». Ответ сделает текст глубже.

Чек-лист для самопроверки

Если ли в вашем рассказе глубина?

Блок 1. Есть ли в рассказе основа для многослойности?

1. Есть ли в вашей истории яркое, ключевое событие, которое можно пересказать другу? (Измена, авария, встреча, находка.) Да / Нет

2. Вызывает ли это событие у героя (и читателя) сильные, но простые чувства (радость, гнев, обиду)? Да / Нет

3. Если убрать детали, останется ли только сюжетная схема? (Если да — у вас есть основа, но она плоская.) Да / Нет

Блок 2. Сколько смысловых слоев вы добавили?

4. Личный круг: Есть ли у героя глубинная причина реагировать именно так, а не иначе? Да / Нет

Подсказка: Не просто «обиделся», а «это разрушило его надежду на дом». Да / Нет

5. Межличностный круг: Есть ли история отношений, которая скрыта за событием? Да / Нет

Подсказка: Как и почему изменились отношения героев до того, как случилось главное событие? Да / Нет

6. Социальный круг: Влияет ли на историю «большой мир» (эпоха, закон, система, среда)? Да / Нет

Подсказка: Давят ли на героя обстоятельства, которые сильнее его? Да / Нет

7. Символический круг: Становится ли обычная вещь (или фраза) больше, чем она есть? Да / Нет Да / Нет

Подсказка: Селедка под шубой как символ разрушенной мечты. Есть ли у вас такой предмет или слово? Да / Нет

Блок 3. Пересекаются ли круги?

8. Есть ли в тексте момент, где личная боль героя сталкивается с давлением системы (или среды)? Да / Нет

9. Изменилось ли значение ключевого события после того, как вы добавили новые смысловые слои? (Измена перестала быть просто изменой, а стала символом.) Да / Нет

10. Увеличился ли объем рассказа не за счет «воды», а за счет новых смысловых слоев? Да / Нет

Что делать с результатами

· Если в Блоке 1 есть ответы «Нет» — у вас есть идея, но еще нет истории. Вернитесь к событию. Сделайте его ярче, конфликтнее. Пока нечего углублять.

· Если в Блоке 2 вы ответили «Нет» на 3 и более пункта — ваш рассказ рискует остаться линейным и предсказуемым. Попробуйте взять одного из второстепенных героев или предметов и «докрутить» его до уровня круга.

· Если в Блоке 3 вы ответили «Не знаю» или «Нет» — попросите кого-то прочитать рассказ и спросите: «О чем для тебя эта история?». Если ответ сведется к событию («о том, как парень украл кошелек»), значит, круги пока не пересекаются. Их нужно сделать более явными.

Глава 2. Долгоиграющие «мины»

Слишком рано выложили в своем рассказе козыри? Не беда. Я покажу, как заставить их работать до последней страницы. В этом мне помог Конан Дойл.

Рассказ *«Голая правда»* написан легко. Строго по заветам Стивена Кинга:

«Я ставлю группу персонажей (или пару их, или даже одного) в трудную ситуацию и смотрю, как они будут выпутываться. Моя работа — не помогать им выпутываться или вести их на ниточках в безопасное место — такая работа требует грохота отбойного молотка сюжета, — а смотреть и записывать, что будет происходить».

Я наделил героя уникальной способностью — он может лгать в мире, где все вынуждены говорить правду, — и поместил в ситуацию, где эта способность дает ему власть. А дальше оставалось наблюдать и записывать.

Как было (Первоначальная версия)

Голая правда.

— *Можно вашу руку?* — сказала молодая, приятная на вид служащая банка.

Банк был солидным, а потому со мной разговаривал живой человек. В другом месте я стоял бы перед большим экраном и отвечал бы на вопросы, появляющиеся из нутра какого-то сервера.

Но сегодня был торжественный день. Я начал свою операцию. Поэтому все должно было быть красиво и дорого, а на встречу с операционисткой банка я шел, как на свидание. Надел свой лучший костюм и даже белую рубашку с запонками.

— *Пожалуйста,* — ответил я на просьбу девушки и протянул руку. Даже немного подтянул рукав пиджака. Ничего подобного предстоящая процедура не требовала, но надо же было показать запонку. Не зря же я их надел.

Служащая банка мазнула сканером по моему запястью, а ее компьютер пикнул. Я знал, что в это время по его экрану побежали строчки с нужной информацией. Дата вакцинации. Тип вакцины. Срок действия. И еще, наверное, что-то специальное. Что именно, я не знал. Я никогда не был по ту сторону экрана, но догадывался, что прежде чем начать задавать вопросы по существу, работник банка обязательно выяснит, вакцинирован ли я. Без этого в дальнейшей процедуре не было никакого смысла.

— *Спасибо,* — сказал операционистка, а я подумал, не пригласить ли ее на свидание.

Проявившиеся мои способности позволяли мне затащить в постель любую девушку. Ну, почти любую. Ладно, ладно, не буду врать по пустякам. Мои способности помогли мне не всегда, но достаточно часто, чтобы у меня появилась отвратительная привычка смотреть на каждую представительницу противоположного пола, как легкую добычу.

Вот и сейчас вместо того, чтобы думать о деле, я думал о том, как буду проводить своей рукой по волосам этой девушки, ее голова от моего движения будет чуть откидываться назад, губы приоткрываться, а мне ничего не будет оставаться, как поцеловать их.

— *Извините,* — из-за своих мечтаний я пропустил первый вопрос.

— *Вы хотите взять кредит?* — терпеливо повторила вопрос девушка, а я заглянул в ее бейджик.

«*София*», — прочел я, а вслух сказал. — *Да, я хочу взять кредит.*

— *Вы можете платить проценты по кредиту?* — продолжила свой допрос София.

— *Да, конечно.*

— Вы собираетесь это делать?

— Да, безусловно.

— Вы сможете вернуть основную сумму кредита?

— Да.

— Вы собираетесь это сделать?

— Да, собираюсь.

И еще не меньше двадцати таких же, незамысловатых вопросов.

София спрашивала, а я отвечал утвердительно.

В конце вопросы пошли с подвохом.

— Вы мошенник?

Захотелось ответить «я тот, кто тебе нужен», но дело — прежде всего, поэтому я выдал очередную банальность.

— Нет, я не мошенник.

Это было действительно правдой. Я не был мошенником. Я бы назвал себя карьеристом, так как то, что я задумал, должно было привести меня на самую вершину человеческого бытия. Ну ладно, ладно, не буду вновь врать по мелочам. Но все же согласитесь, что должность президента является самой высокой в современном обществе, а человеку, желающему ее занять, лучше всего подходит под наименование «карьерист». Поэтому нет, я не мошенник. Просто карьерист.

— Вы собираетесь обмануть банк? — гнула свое операционистка, и я ее пожалел. По сути, она продает сейчас свою внешность, свою натуральность. Холодный, сенсорный терминал мог бы с таким же успехом задавать мне те же вопросы, но тогда бы у меня не было никаких посторонних мыслей в голове, например, про свидание. Это и называется обслуживание высшего качества.

— Спасибо.

Я только улыбнулся в ответ. Улыбаться был повод. Я был уверен, что ни сама операционистка, ни следящие за моими ответами устройства ничего не заметили. Я врал, а они все мне верили.

— Какую сумму вы хотите получить?

— Миллион.

— Хорошо..., — начала София, но я ее прервал.

— Наличными.

— Наличными? — удивилась операционистка.

— Да, — ответил я. — Это возможно?

Использование наличных в наши дни вещь редкая и неудобная, поэтому это удивляет. Если этому удивилась сидящая передо мной девушка, то этому удивятся и другие, там, куда я эту наличку принесу. Мне надо, чтобы этому удивились, чтобы меня заметили. Сумма была относительно небольшой. Отправь ее переводом, никто не обратит внимание. Принеси наличкой и на меня будут смотреть во все глаза. А мне это и нужно.

— Да, конечно, — завершила меня София и улыбнулась.

Интересно, сколько раз по инструкции она должна улыбнуться клиенту. И есть ли градации улыбок? Кредит на десять тысяч — одна улыбка, кредит на сто тысяч — улыбка совсем другая.

— Но перед получением наличных вам придется переговорить с нашим управляющим, — объяснила София.

— Я согласен, — не стал ломаться я.

— Сейчас вас проводят.

— София, — начал я, потому что знал, что сейчас появится некий молодой человек, который поведет меня к большому начальнику. — Можно я вам позвоню?

Говоря эти слова, я протянул ей свою визитку. Казалось бы, все должно было быть наоборот. Но не все так просто.

Девушка посмотрела на визитку, и ее глаза расширились. Там был указан мой настоящий номер телефона и слова «Будущий президент Америки».

— Это шутка? — спросила София.

— Я думаю, что только президент Америки достоин встречаться с такой девушкой, как вы, — сказал я.

Операционистка хихикнула.

— Вообще-то, нам запрещено..., — начала она, а потом быстро записала свой номер телефона на обратной стороне визитки.

— Мистер Адамс? — раздалось за моей спиной.

Прежде чем ответить, я, как можно теплее, улыбнулся девушке. Позвоню-не позвоню, а надежда должна быть у всех.

— Да, — я обернулся.

Это бы действительно молодой человек в аккуратном офисном костюме.

— Следуйте за мной, мистер Адамс, — сказал он. — Управляющий вас ждет.

Это было правдой. Меня ждали.

В другие времена управляющий отделением, встретив меня, сказал бы, что он горд общаться с таким клиентом, как я, что их банк готов мне предоставить банковские услуги высшего качества и еще какую-нибудь ничего не значащую ерунду, но... «Другие времена» прошли, и поэтому управляющий, худой и бледный мужчина сразу перешел к делу.

— Мистер Адамс, я должен у вас спросить, для чего вам нужны наличные?

— Я собираюсь раздавать их бездомным, а у них редко бывают банковские карты.

— Такого идиота я еще в жизни не встречал, — сказал управляющий. — Поэтому я снова спрошу вас, вы собираетесь вернуть заем?

— Да, — ответил я на его вопрос, а потом еще на все те вопросы, что до этого мне задавала София.

Но мне не трудно. Я повторил все свои ответы, только вот визитку, где я указан будущим президентом Америки, не стал вручать этому «фоме неверующему».

— Спасибо, мистер Адамс, — в конце концов, ответил начальник отделения. — Ваш кредит утвержден.

Из банка я вышел также, как и пришел — с портфелем в руках, только теперь там лежал миллион наличными. Это только кажется, что миллион много. Все деньги легко уместились в моем портфеле.

Отделение банка, которое я посетил, располагалось центре. Поэтому на улице было много народу. На зданиях мелькала объемная реклама. Одна из них, занявшая большое панно от десятого до двадцатого этажа, показывала серьезного мужчину, который обещал блага своим избирателям. Изображение мужчины время от времени сменялось ликующей толпой, которая рукоплескала своему любимчику, кандидату в президенты.

Мужчина на панно врал. Даже, скорее, не врал, а просто открывал рот, а потом уже видеооператоры вкладывали в его губы нужные слова. Это знали все, и никого это не возмущало и не удивляло.

Что важно в любом состязании? Чтобы у «спортсменов» были равные возможности. Тогда результаты можно считать справедливыми, а победителя, как известно, не судят. Я собирался внести в это соревнование разнообразие.

Отделение банка, где я получил кредит, миллион наличными, было выбрано мной не случайно. Оно располагалось недалеко от штаб-квартиры Республиканской партии. Я решил не

отказывать себе в удобстве. Получил деньги, прошел немного пешком, и я уже у цели. Удобно, не правда ли?

Я прошел через стеклянные двери и подошел к стойке регистрации.

— Я хотел бы сделать взнос в фонд вашей партии, — сказал я девушке за стойкой.

После этого, не дожидаясь ее ответа, я стал выкладывать прямо на стойку пачки денег. Я понимал, что деньги у меня прямо здесь не примут, что надо куда-то пройти, но шоу есть шоу. Надо было привлекать к себе внимание.

У меня получилось. Сначала девушка за стойкой вытаращила на меня глаза, а потом к нам стали подходить люди, что были в этот момент рядом. Только охранник остался у двери, но и тот вытягивал шею, стараясь посмотреть, что же такое я там делаю.

Я еще не раз повторял свой трюк, выкладывая деньги на тот или иной стол, пока меня не довели до кассы, где кассирша, наконец, приняла у меня миллион в копилку будущей избирательной компании Республиканской партии. Мои движения до этой точки сопровождались охами и ахами, кто-то снимал меня на телефон, кто-то жрал руку, кто-то улыбался и заглядывал в глаза. Ну, прямо, как дети! Вот, что значит миллион наличными. Все о нем слышали, но никто не видел.

После того, как у меня приняли взнос, мне выдали сертификат. Он был заламинирован, а в верхней части у него была небольшая дырочка. Наверное, чтобы было удобно вешать на гвоздик на стену в гостиной. Еще я получил удостоверение члена партии с номером в рамках первой тысячи. Джендльмен, который мне его выдал, объяснил, что это очень хороший номер. С ним я смогу быть в первых рядах на всех избирательных собраниях и митингах партии. У меня не было оснований ему не верить, как и все другие врать он не мог.

— Я хотел бы встретиться с председателем вашей партии, — сказал я, когда мой собеседник наконец замолчал.

— Зачем? — не стал он кривить душой, а его взгляд посерьезнел.

Это хорошо. Пора было переходить к делу.

— Я хотел бы обсудить с ним график своих будущих взносов, — сказал я.

— Взносов? — переспросил меня мужчина.

Он-то думал, что шоу закончено, но я-то знал, что оно все еще продолжается.

— Конечно, — ответил я. — Не думаете же вы, что этого достаточно?

Я притворно сделал удивленное лицо.

— Нет, нет, конечно. То есть да, — заговорил, путаясь, мой собеседник.

— Когда вам будет удобно? — спросил он.

— А когда вам это будет удобно? — вернул я ему его вопрос.

Как я уже говорил, миллион только кажется большой суммой. При других обстоятельствах меня бы близко не подпустили к председателю такой важной партии. Максимум, на чтобы я мог бы рассчитывать, это его крепкое рукопожатие во время какого-нибудь митинга, где у меня было бы место в первых рядах. Но вот со всей этой шумихой, да еще с обещанием будущих взносов...

— У мистера Моргана есть окно завтра вечером, — сказал, порыскав в своем планиете, мужчина.

— Отлично, — сказал я. — Вечером, это во сколько?

— В шесть.

— Хорошо, я буду, — подтвердил я и добавил. — Но только это будут уже не наличные, а чек. Ну, вы понимаете?

Мой собеседник широко заулыбался. Такая большая и искренняя улыбка. Некоторое время назад управляющий отделением банка высказал, что он думает о моих действиях. Если бы я прямо спросил этого широко улыбающегося функционера Республиканской партии, что он обо мне думает, то, скорее всего, получил бы в ответ нечто похожее.

— *Такого идиота я еще в жизни не встречал!*

И это было бы правдой. Именно так и думал бы этот человек в тот момент.

«Как же хорошо!» — подумал я, выходя из офиса Республиканской партии. — «Когда я могу врать, а все вокруг вынуждены говорить то, что они думают, то есть правду, одну только правду».

Все началось с эпидемии, с этого странного вируса ТетраВид и придуманной для борьбы с ним вакцины. Сначала все было, как обычно. Вирус пугал людей. Ученые разрабатывали вакцину. Государство печатало деньги и на эти деньги закупала вакцину у фармацевтических компаний. Испуганные люди вакцинировались. Фармкомпании богатели и внимательно следили по сторонам, нет ли поблизости какого-нибудь еще вируса.

Но появились побочные последствия. Причем от всех типов вакцин, которые были созданы для борьбы с опасным ТетраВидом. Бессонница, конфликты в семье, депрессия и многое другое. Но потом, шаг за шагом, врачи разобрались. Все это: бессонница, депрессии — были результатом того, что люди стали говорить друг другу правду, а вернее то, что они в этот момент считали правдой. Это было неудобно, очень неудобно.

— *Ты где был?* — спрашивала жена.

— *У любовницы,* — отвечал муж.

После этого вспыхивал семейный скандал, на горизонте маячил развод, а оба супруга погружались в депрессию.

— *Вы убили эту женщину?* — спрашивал подозреваемого детектив.

— *Да,* — отвечал тот и рассказывал, как это произошло.

Детектив обалдевал, дело раскрывалось, но радоваться было нечему. Приходило понимание, что его профессиональные качества, благодаря которым детектив раньше раскрывал преступления, уже не нужны. Достаточно собрать подозреваемых и задать им вопрос, кто убийца. Это мог сделать любой недоучившийся студент юрфака.

Мир вокруг стал погружаться в хаос. Везде, где использовалось человеческое общение, стали возникать конфликты. Казалось, еще чуть-чуть и мир рухнет. Но... Мир оказался прочней, чем про него думали скептики. Все говорят неправду? Ну и что? Это же не всемирное похолодание? И не всемирное потепление? Пшеница все также продолжала выращиваться на полях. Нефть все также качалась из глубин планеты. И люди привыкли.

Если у всех равные условия, то привыкнуть можно. Например, если бы все люди на планете стали немыми. Неудобно? Не привычно? Да, но не смертельно. Стали бы использовать жесты, чтобы изъясняться друг с другом. Придумали бы новые компьютеры и прочее, и прочее, и прочее.

С правдой немного сложнее. Немота ограничивает. Говорить правду — это, наоборот, излишество. Против немоты надо расширять возможности, придумывать новое. Против правды, наоборот, ограничивать.

Раньше в банках были кредитные аналитики. Они проверяли, насколько кредитоспособен заемщик. Другими словами, сможет он вернуть взятые деньги или нет? Вводим ограничение. Вон этих аналитиков! Не нужны они больше! Проверяем вакцинировался ли желающий получить кредит и задаем установленные вопросы. Ответил, как надо, выдаем кредит.

Раньше были президентские дебаты. Отменяем. Мало ли что наговорят в ответ на прямые вопросы соперника их участники! А публичные выступления кандидатов в президенты, губернаторы, мэры и так далее? Отменяем. Вдруг зададут прямой вопрос, а выступающий скажет правду?

— *Эти отмены! Это же плохо!* — скажете вы.

— *Нет, ведь все в равных условиях,* — будет ответ.

Именно это, то, что все находились в равных условиях, и спасло мир. Он устоял, и некоторые даже считали, что стал лучше.

Почему ТетраВид и вакцина против него так повлияли на людей? Надо отдать должное ученым, они выяснили и это.

Была такая поговорка: говорить правду легко и приятно. Вранье все это. Вернее, вторая половина этого высказывания. Говорить правду легко. Почему? Потому что не надо ничего придумывать. Лгать труднее, так как надо сделать некоторое усилие, чтобы придумать лживую версию. Ученые выяснили, что именно лгать было приятно. Организм человека, когда он лгал, получал крохотную порцию вещества, от которого наступало ощущение удовольствия.

Для чего это нужно было человеческому организму? Ученые, как всегда, кивали на эволюцию. Возможность лгать помогала, как считали они, человеку развиваться. Некоторые даже предложили переименовать современного человека из Человека разумного в Человека лгущего. И, наверное, переименовали бы, только вот такого человека уже не было. Его место занял Человек говорящий правду. А все потому, что вирус, и вакцина против него перевернули биохимию человека с ног на голову. Теперь порция удовольствия впрыскивалась человеку в кровь тогда, когда он говорил правду. Причем, этот процесс шел по нарастающей. Стоило только раз сказать правду и получить за это от организма поощрение, как это перерастало в зависимость.

Более того, за ложь организм наказывал человека. У всех это происходило по-разному. У кого-то болела голова, кто-то испытывал тошноту, с кем-то случалась диарея. Кончилось все тем, что даже самый тупой из тупых понял, что надо говорить только то, что думаешь, то есть правду. Впрочем, это оказалось совсем не трудно. Ведь все вокруг тоже говорили правду.

«Все да не все,» — подумал я и набрал номер Софии.

— Привет, — сказал я. — Я по тебе соскучился.

Лгал ли я в этот момент, не знаю. Меня тянуло к ней. Тянуло, как к конфетке, завернутой в красивую этикетку. Я хотел пообщаться с ней, узнать, кто она, откуда, что любит, что нет.

Когда люди стали говорить правду, такие разговоры стали увлекательными. Ложь — это банально. Это только кажется, что можно напридумывать много и разно. Однако, таких выдумщиков или выдумщиц немного. Раньше большинство врало по шаблону. А шаблон — это скучно. Правда гораздо разнообразнее, а потому интереснее.

— Привет, а я еще не успела, — хихикнула в ответ девушка.

— Но ты не думай, я хочу с тобой встретиться, — она тут же постаралась загладить сказанную правду.

«Какая же ты притягательная дуручка!» — подумал я, но вслух сказал другое.

— Я тоже. Давай сегодня вечером.

— Давай, — согласилась София.

Мы договорились о встрече.

«Почему женщины так стали для меня доступны?» — подумал я.

Таких способностей у меня до эпидемии не было. И дело было не в том, что я мог лгать, когда все вокруг говорили правду. Взять ту же Софию. Между нами не было еще практически никаких взаимоотношений. С чего бы ей согласиться на встречу со мной? Красавец? Я посмотрел на витрину магазина, мимо которого проходил в этот момент. Обычная внешность. Не урод, но и не красавец. Что поменялось во мне с того момента, как вирус и вакцина заставили всех людей говорить правду, а мне оставили прежнюю способность лгать? Что сделало меня вдруг привлекательным в глазах самых разных женщин? Белых и черных. Замужних и одиноких. Красивых и не очень. Может быть, тайна?

До эпидемии я был простым служащим банка. Никакой тайны во мне не было. Подружки у меня были, но сказать, что я пользовался вниманием женщин, было бы большим преувеличением. Мировой катаклизм все изменил. В начале это было даже неудобно. Я шел по улице и чувствовал на себе взгляды проходящих мимо меня женщин. Плохо побрился? Воротник пиджака задрался? Шнурок развязался? Ничего подобного. Все было нормально. И гладкие щеки, и воротничок пиджака, и шнурки на ботинках.

— Ты стал таким милым, — как-то сказала мне подружка, что была со мной в ту пору. — Что с тобой произошло?

— Это тайна, — ответил я.

Эта моя первая догадка о причинах моей проявившейся привлекательности в глазах женщин так и осталась самой вероятной с момента того разговора.

— Как я люблю тайны! — сказала тогда моя подружка.

Наверное, мое внутреннее отличие от других людей как-то транспонировалось на меня. На мою внешность, походку, поведение, взгляд. А женщины это замечали. Почему это им нравилось и притягивало? Я спрашивал и не раз. Но их ответы были не оригинальны.

— Ты такой милый, — обычно отвечала моя новая подружка.

Я не поленился, и однажды, моей девушкой стала молодая ученая из исследовательского центра. Я спросил ее, почему она со мной.

— Ты такой милый, — был ответ.

Я предпринял еще попытку.

— Послушай, может быть, я испускаю какие-нибудь запахи, которые привлекают тебя.

Услышав это, девушка чуть не задохнулась от смеха.

Когда она отсмеялась, то обняла меня за шею и повторила:

— Ты такой милый!

Большие подобными вопросами своих подружек я не мучил.

Иметь возможность лгать, когда все вокруг говорят правду и верят, что и ты говоришь правду, очень удобно и выгодно. Голова на плечах у меня была, и вскоре моя способность обеспечила мне хорошее материальное положение.

Но тут мне в голову пришла мысль, от которой я сначала отмахнулся. Зачем мне это нужно? Мне и так хорошо! Но потом осознание проблемы тяжелой плитой опустилось на меня. Мне стало страшно. Вакцина против ТетраВида или вакцина против Лжси, как ее чаще называли, не просто избавляла людей от опасного заболевания. Она кардинально их меняла.

Как плохо не относиться к фармкомпаниям, но они более или менее блюли протоколы безопасности. Новую вакцину проверяли на предмет разных побочных последствий. Как применение вакцины отразится на печени? На репродуктивной способности человека? Не повлияет ли на сердечно-сосудистую систему? Но никто не проверял вакцину на такую побочку! Перестать лгать и начать говорить правду. И самое удивительное, что и сейчас, когда последствия стали очевидны, никто не задался вопросом: говорить правду всегда и везде — это хорошо или плохо?

Я осознал, что человечество сделало шаг в неизвестность, не размышляя над его последствиями. словно ребенок, который вышел через случайно оставленную дверь на улицу с оживленным транспортом.

То, что люди стали вдруг говорить то, что они думают, было случайностью. Могут ли случайные изменения привести к позитивным последствиям? Могут, но... Скажите вслух фразу:

— Я случайно выиграл...

Что она означает? Она означает, что вы и не думали, что выиграете. Этого не должно было произойти. Вокруг все проигрывают. Почему вам должно повезти? Ведь ваши шансы

на выигрыши были так малы! Понимаете, к чему я клоню? Шансы на то, что случайно обретенная способность говорить правду приведет к позитивным последствиям, тоже незначительны.

Ложь — это самая примитивная форма созидания. Ученые были правы. Ложь сглаживала конфликты. Формула «я знаю, что ты знаешь, что я знаю» родилась не на пустом месте. Возможно, что именно благодаря лжи войн на нашей планете было значительно меньше, чем могло бы быть.

Теперь способность лгать исчезла. Углы во всех отношениях, в том числе международных, не будут сглаживаться, конфликты обострятся. А значит, наиболее вероятно, что человечество ждет тяжёлые потрясения.

Не кстати появившаяся привлекательность у девушек какое-то время меня отвлекала от неприятных мыслей, но потом я решил действовать.

В назначенный час я оказался в кабинете председателя Республиканской партии.

Меня встретил подтянутый, хорошо одетый мужчина средних лет.

Я представился. Он — нет. Очевидно, посчитал, что таблички на столе «Джексон. Р. Морган» достаточно.

— Вы хотели обсудить график будущих ваших взносов? — спросил мистер Морган, когда мы заняли свои места. Он — за массивным столом, я — на жестком стуле перед ним.

— Вообще-то, нет, — ответил я.

— Что? — удивился мой собеседник, и я почти увидел, как в его голове закрутились мысли. Его мозг уловил необычность ситуации, но пока никак не мог прийти к такому очевидному выводу.

Я не стал его мучить.

— Я хочу, чтобы вы выдвинули мою кандидатуру на пост президента США на ближайших выборах, — сказал я.

«Ух-х-х».

Давно я не говорил столько правды подряд!

— Что? — возмущился председатель. — Вы сумасшедший?

Он был почти готов вызвать охрану. Наверное, только воспоминания о внесенном мной взносе в виде миллиона наличных удерживали его от этого шага.

— Вы участвуете в прямых дебатах кандидатов в президенты? — я решил двигаться быстро, пока у мистера Моргана не закончилось терпение.

— Вы знаете, что прямые дебаты не проводятся, — холодно ответил мой собеседник.

— Почему?

— Мистер Адамс...

— Потому что кандидаты не смогут уходить от прямых ответов? — перебил его я. — Другими словами, не смогут лгать?

Это было правдой, и потому Морган не удивился.

— А я смогу, — добавил я.

— Что? — сидящий передо мной мужчина снова не удержался от повтора этого глупого вопроса.

— Я соврал, когда сказал вашему человеку, что хочу обсудить новые взносы, — продолжил я. — Я, наверное, единственный человек на Земле, который может лгать. А это большое преимущество, не правда ли?

Морган посмотрел на меня, снял свои очки и встал из-за стола. Между столом и стеной с портретом Франклина был небольшой проход, и он стал по нему ходить. А я подумал, что портрет Франклина, который также красуется на сто долларовой купюре, очень уместно смотрится на стене в кабинете председателя Республиканской партии, партии богачей.

— Вы сторонник нашей партии? — Морган наконец остановился и посмотрел в мою сторону.

— Конечно, — соврал я.

Хозяин кабинета впервые за нашу встречу улыбнулся. Это был умный человек. Дурак бы не дошел бы до того поста, который занимал он сейчас. Он мог различать, когда люди говорят правду, а когда лгут. Сказанное мной ему понравилось.

— Вы сторонник демократов? — был его второй вопрос.

— Самый преданный сторонник! — заверил его я, а Морган рассмеялся, но все же сделал еще попытку меня разоблачить.

— Сколько будет дважды два?

— Дважды два всегда было и будет пять, — ответил я и добавил. — Вам понравился мой ответ?

Морган задумался, потом вышел из-за стола и сел на его краешек прямо передо мной.

— Очень! — сказал он.

— Это преимущество? — снова спросил я.

— Несомненно.

— Вы берете меня кандидатом в президенты?

— Это будет трудно, — не стал врать мой собеседник, да и не мог он врать.

Я понимал, о чем он говорит. Я был никто. Меня никто не знал. Я был неизвестен. Но то преимущество, которое было у меня, можно было сравнить с бомбой, которая сметет все преграды. Надо было только иметь смелость ей воспользоваться.

— Это обычные трудности, с которыми вы не раз сталкивались, — сказал я. — Вы их решите.

— А теперь представьте, как я буду напрямую встречаться избирателями, жать им руки, отвечать на их прямые вопросы. На вопросы журналистов и телеведущих, в конце концов. И всегда я буду говорить то, что они хотят услышать. И будут считать это правдой. Что скажете?

Мой собеседник молчал.

— А потом, — я решил добавить красок в эту картину. — Другие кандидаты в президенты попробуют повторить тоже самое и сядут в лужу. Будут грандиозные скандалы. Я думаю, что это будут самые скандальные выборы президента.

— Я тоже, — сказал Морган и протянул руку. — Давайте начнем над этим работать.

Мы проговорили час. Для этого моему собеседнику пришлось сломать свой график. Это убедило меня в том, что мной заинтересовались. Эта заинтересованность станет еще больше, когда появятся первые результаты. Я был уверен, что стану президентом. А потом...

А потом я сделаю так, что будет создана новая вакцина от нового вируса. Люди ею непременно воспользуются, и к ним вернется способность лгать. Человечество будет спасено.

Что мне нравилось в рассказе, а что нет

Рассказ мне до сих пор нравится. Удалось главное: вместо скучного объяснения «все говорят правду» я показал это через действие. Сцена в банке, где герой отвечает на вопросы и все принимают его ложь за чистую монету, работает.

Но есть и проблема. Центральная «мина» — способность героя лгать — взрывается слишком рано. Уже в первой сцене читатель знает, в чем фишка. Дальше он только наблюдает, как герой реализует план. Нет напряжения, которое должно накопиться перед взрывом.

Интуиция молчала. И я решил действовать по рецепту, который подсмотрел у Конан Дойла.

Теория приема: долгоиграющие «мины»

Представьте, что в начале рассказа вас зацепила какая-то деталь, история, объяснение. Так в «Собаке Баскервилей» цепляет рассказ доктора Мортимера о проклятии рода Баскервилей. Это закладка «мины». Читатель наступает на нее и сразу лишается покоя.

Но этого мало. Конан Дойл на всем протяжении повести раздувает фитиль этой «мины». То появляются следы на аллее, то пропадает ботинок наследника, то слышится странный вой на болотах. Напряжение нарастает. И когда «мина» наконец взрывается — когда чудовище выскакивает из тумана, — эффект в сотни раз сильнее, чем если бы собака появилась в первой главе.

В моем рассказе уже была одна «мина» — способность героя лгать. Но я взорвал ее слишком рано. Значит, нужно заложить новую.

Кого выбрать для этой роли? София, операционистка из банка. У героя уже был с ней разговор, он получил номер телефона. Их новая встреча вполне возможна. А еще она симпатична ему — значит, он будет к ней снисходителен, не заподозрит подвоха. София подходит.

Что же такого она может сказать? Я решил: пусть София окажется не случайной знакомой, а человеком, который знает Питера (так зовут героя) давно. И знает о нем то, чего не знает он сам.

Как стало (Обновленная версия)

Голая правда.

— Можно вашу руку? — сказала молодая, приятная на вид служащая банка.

Банк был солидным, а потому со мной разговаривал живой человек. В другом месте я стоял бы перед большим экраном и отвечал бы на вопросы, появляющиеся из нутра какого-то сервера.

Но сегодня был торжественный день. Я начал свою операцию. Поэтому все должно было быть красиво и дорого, а на встречу с операционисткой банка я шел, как на свидание. Надел свой лучший костюм и даже белую рубашку с запонками.

— Пожалуйста, — ответил я на просьбу девушки и протянул руку. Даже немного подтянул рукав пиджака. Ничего подобного предстоящая процедура не требовала, но надо же было показать запонку. Не зря же я их надел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.